

МОСКОВСКИЕ ТАЙНЫ

ДОБРОВА

А · Н · Д · Р · Е · Й
ДОБРОВ

МОСКОВСКИЕ · ТАЙНЫ · ДОБРОВА

~ ЧЕРТОВ ~
ДОМ В ОСТАНКИНО

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д55

Художественное оформление
Петра Петрова

Добров, Андрей Станиславович.
Д55   Чертов дом в Останкино / Андрей Доб-
ров. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-096385-0

Молодой и еще неизвестный литератор Иван Андреевич Крылов, обжора и ленивец, неожиданно вызван во дворец к императрице Екатерине Великой, а уже через день с тайным заданием отправлен в Москву, где его поджидает целый отряд шпионов, работающих на различные дворцовые партии. Соблазнительная красotka, нахальный драгун, кучер-убийца, фальшивый камердинер — все пытаются узнать, почему Екатерина обратилась именно к Крылову и какую тайну он должен раскрыть. А когда становится известно, что Иван Андреевич ищет секретный архив «Нептунова общества», тайной Ложы, основанной самим Петром Первым, начинается целая серия убийств хранителей секрета Великого царя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Добров А., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-096385-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

• 1 •

МАТУШКИН ПРИКАЗ

Петербург. 1844 г.

Иван Андреевич Крылов решил умирать в креслах. Два года назад замечательный доктор Гаевский сумел поставить эту тушу на ноги после удара, хотя весь Петербург уже собрался проводить баснописца в последний путь на Тихвинское кладбище. Но теперь этот тучный старик и сам понимал, что стоит у самых ворот царства Плутона.

Иван Андреевич сонно оглядел свой кабинет, служивший и спальней: широкая массивная кровать стояла в углу, под легким пологом, сохранявшим сон поэта от настырных посягательств комаров — окна в кабинете никогда не закрывались, иначе в комнате стояла бы плотная завеса сигарного дыма, и ее хозяин отошел бы в мир иной сам по себе, угорев.

— Курить при пневмонии совершенно не разрешается, — строго сказал доктор Галер, указывая на огромную фаянсовую пепельницу, полную сигарных окурков. — Вы не больной, а самоубийца.

— Брось, Федор Никитич, — сипло ответил Крылов. — Я выкину сигарку, только если ты честно ответишь, как вылечить мою болезнь.

Галер смахнул простым белым платком пыль с края стола и поставил туда свою сумку.

– Зачем вы спрашиваете? – спокойно ответил он. – Сами знаете, ваша болезнь не вылечивается. Она либо проходит сама, либо... Либо не проходит.

– Так ведь и я тебя позвал не лечить меня, – сказал Крылов.

Галер недоуменно вскинул на него свои серые глаза:

– Зачем же?

– Мне рекомендовали тебя как единственного эскулапа в столице, который не болтает направо и налево о болезнях своих пациентов. Ты умеешь хранить тайну.

Маленькие слезящиеся глаза больного вдруг зло сверкнули. Галер пожал плечами.

– Да-да, – продолжил Крылов, растирая пухлой рукою с обвисшей кожей свою обширную потную грудь белесого цвета. – Поэтому я заплачу тебе сверх обычного за то, что ты каждый день будешь приходить и записывать, что я расскажу. А потом, если Провидение позволит мне закончить раньше, чем я предстану перед Аидом, передашь эту рукопись человеку, которого я назову.

– Не проще вам было бы вызвать обычного переписчика? – спросил Галер. – Мои другие пациенты...

– Они подождут! – крикнул Крылов. При этом в груди у него явственно раздалось бульканье.

– Я не могу рисковать их жизнями, – твердо возразил Федор Никитич.

Крылов скривил свои толстые губы. Свирепость его лица совершенно не сочеталась с беспомощностью положения умирающего.

– Так уходи! – жестко сказал он. – Но только попомни, что я распущу слух о том, что лечение твое – чистое шарлатанство. И умер я по твоей вине. Убирайся, сукин сын!

Он откинул свою седую взлохмаченную голову на подушку и задышал натужно, с хрипом. Галер не сдвинулся с места. Невысокого роста, чисто выбритый, он обладал только двумя замечательными качествами – невыразительным остзейским лицом и прямодушием. Галер не любил врать, считал это унижением для себя. И оттого не стал модным доктором, как иные, – за Федором Никитичем закрепилась слава человека беспощадного к больному. «Скверный доктор, – говорили про него. – Давеча сказал мне, что если не брошу есть сладкое, то к Святкам помру, представляете»? И хотя прогнозы доктора Галера имели обыкновение сбываться, а говоривший приведенные выше слова действительно встречал Святки плотно укутанным в саван, самого Федора Никитича не любили. Он из-за этого жил очень скромно, снимал крохотную квартирку на втором этаже вместе с сестрой, больной чахоткой, и часто пользовал совсем бедных людей, которые расплачивались едой. Вызов к знаменитому литератору стал для доктора неожиданностью.

– Я буду вынужден попросить двойной гонорар, – сказал он наконец.

– Ага! – пробормотал баснописец. – Ага! Нет, любезный эскулап, не двойной. Я заплачу тебе за эту работу... скажем, пятьсот рублей.

Галер повернул голову к окну. Где-то там, в сырой темной комнате, сейчас куталась в одеяла се-

стра Лиза. Пятьсот рублей! Можно было не только купить аппарат доктора Шартуля, но даже подумать о переезде в Крым.

— Хорошо, — произнес он.

— Возьми на столе бумагу, чернила и перья. Сам я уже не способен записывать, слишком долго тянул...

— Сначала я сделаю вам кровопускание, — твердо заявил доктор. — Вы страдаете, необходимо выпустить дурную кровь и заставить вашу печень работать.

— Валяй, — сказал Иван Андреевич. — Но потом — за дело!

Через полчаса, когда доктор уже перебинтовал надрез и вынес в коридор тазик с темной кровью, бледный Крылов потребовал сигару и начал диктовать:

— Это случилось в самом конце прошлого века, когда императрице Екатерине оставалось царствовать всего два года, а мне только исполнилось тридцать или около того лет. В конце сентября меня вызвали во дворец. Впервые. Приехал курьер с письменным приказом, посадил меня в свою карету, и мы помчали. Императрица приняла меня в библиотеке, отослав всех слуг и придворных. Помните ее портрет в горностаевой мантии и с георгиевской орденской лентой? Впрочем, художник так щедро усыпал грудь императрицы бриллиантами, что и ленту, и само лицо этой благообразной старухи многие просто не замечали. На портрете она улыбалась мягкой материнской улыбкой... На всех портретах она улыбалась именно так — как будто художники сговорились срисовывать друг

у друга эту улыбку. Но когда мы остались наедине, она вовсе не улыбалась. Она выглядела усталой и... равнодушной. Но только сначала.

Петербург. 1794 г.

Крылов потел, но не смел вытереть влажный лоб. Ему казалось, что он спит и видит кошмарный сон, будто его вызвали к императрице. Кому не снилось это во времена царствования Матушки! Но после сна можно было проснуться, а сейчас — нет.

— Что это, Иван Андреевич, — сказала Екатерина Алексеевна. — Никак растолстел? С чего бы это? Мне докладывали, что литературные твои дела плохи и дохода не приносят. Может, в карты везет? Нет, не везет особо — мне и об этом докладывали. А может, ты святым духом сыт? — Она коротко хохотнула. — Да как же! Ты же известный язычник, друг мой.

Крылов стоял, не смея разогнуть спину. В животе давило, воздуху не хватало. В библиотеке было жарко натоплено — царице по причине пожилого возраста хотелось тепла, которое она уже не могла получать от фаворитов — даже от нынешнего ее любимчика — Чернявого, Платона Зубова, недавно получившего титул графа и чин генерал-фельдцейхмейстера.

— Ну, хватит кланяться, — сказала Екатерина. — Спину-то разогни, дай мне полюбоваться на твое лицо.

Крылов с облегчением выпрямил спину и скривил полные свои губы в улыбке, которую почитал приятною.

— Да... — мрачно изрекла императрица. — С лица воду не пить. Впрочем, дело, которое я хочу тебе поручить, не требует красоты физической — только ума. А ум у тебя, возможно, есть. Возьми там скамейку и присядь рядом.

Иван Андреевич оглянулся и увидел изящную скамеечку с сиденьем, обитым синим бархатом с золотой вышивкой. Он робко уселся напротив Екатерины, дав себе обет говорить как можно реже, чтобы в запале не сказать что-то, что не понравится императрице. Но теперь он мог хотя бы без лишней дерзости рассмотреть ту, которую Дидро сравнивал с Цезарем и Солоном, а Вольтер называл «Северной Семирамидой» — впрочем, громогласные салюты этих просветителей начинались русским золотом. Когда же после смерти Дидро под его подушкой нашли листки с резкими критическими замечаниями против императрицы, та велела изъять всю библиотеку, купленную у француза за пятнадцать тысяч рублей, и свалить ее в подвале.

— Что? — спросила Екатерина Алексеевна. — Онемел? Чего молчишь?

— Я... я с превеликим вниманием слушаю ваше императорское величество, стараясь не упустить ни одного слова из уст высокоуважаемого мной Афиногена Перочинова! — пролепетал хрипло Крылов, ловко вворачивая псевдоним, под которым Екатерина писала в журнал «Всякая Всячина».

Императрица делано засмеялась, как будто отдавая дань то ли находчивости, то ли подобострастию Крылова. Он рискнул подробнее рассмотреть грозную, но просвещенную владычицу.

Осмотр был произведен быстро, но с чувством хорошо спрятанного разочарования. Перед ним в широком позолоченном кресле сидела благообразная старуха в жемчужно-сером платье, поверх которого она накинула белую шаль, связанную из тончайшего гагачьего пуха. Седые волосы были убраны в гладкую прическу, украшенную только сверкающей бриллиантами веточкой.

Эта женщина почти ничем не напоминала ту императрицу, которую Крылов несколько раз видел издали — два раза в опере на премьере ее оперы «Горебогатырь Косометович» и на грандиозной постановке «Начальное управление Олега», а также случайно возле Кадетского корпуса, ею же основанного. Да еще раз Крылову передали от императрицы предложение уехать за границу на пять лет за счет казны, только чтобы он перестал выпускать свой журнал «Зритель». И тем не менее Иван Андреевич сейчас как будто физически ощущал ореол власти и мощи, по-прежнему исходящий от императрицы Екатерины. Крылов вдруг понял, что скамейку он поставил не просто так — а ровно на том расстоянии, где эта мощь, казалось, имела свою границу.

Рядом с креслом императрицы стоял столик с большой коробкой. Время от времени она поглаживала крышку, инкрустированную ромбами темно-красного и светлого дерева.

— Итак, — сказала Екатерина Алексеевна, — я буду говорить с тобой прямо и без утайки. Но если хоть одно слово, сказанное мной, выйдет за пределы этой комнаты... — Она замолчала и холодно взглянула на замершего, как кролик в дальнем

углу клетки, Крылова. — Я выбрала тебя, Иван Андреевич, для важного и строго секретного дела, — сказала Екатерина. — Отказа я не приму, потому что в случае отказа ты отсюда напрямик отправиться в крепость, где проведешь остаток своих дней в полном молчании.

Крылов попытался сглотнуть, но не смог — пересохло в горле. Ивана Андреевича вдруг страшно потянуло в сон — такое с ним случалось в минуты высочайшего душевного волнения. Но он заставил себя даже не моргать.

— Сначала про мой выбор, — продолжила императрица. — Видишь ли, Иван Андреевич, ты своей литературной работой принес мне и России много вреда.

Она замолчала, наблюдая за произведенным эффектом.

— По... Помилуй, матушка, — просипел Крылов, чувствуя, как засадило шею — в том самом месте, где мог бы затянуться узел петли. — Как такое может быть? Ведь я ни сном ни духом... Да и как я мог навредить тебе или России — ведь я...

Он хотел продолжить: «...писал смешные безделушки, только и всего», но вдруг смутился своим мгновенным падением перед ликом императрицы.

Екатерина кивнула.

— Я полжизни положила, чтобы внушить иностранцам мысль о великой и просвещенной России. Я платила им куда как больше, чем нашим литераторам — чтобы они везде, со всей мощью своего таланта и авторитета прославляли Россию, ставили ее выше других государств! Ты, Иван Андреевич, хоть и боек на язык, а дальше него ничего

не видишь. Великий Петр заставил Европу бояться его с помощью штыков и картечи. Но штыки стоят дорого! Покупка французских философов обошлась мне в куда меньшую сумму, чем содержание даже одного корпуса Светлейшего во время Крымской кампании, а вот результат превзошел все его виктории! Штыки заставляют нас бояться. А перья — уважать. Перья зовут в Россию лучших европейских архитекторов, ученых, мыслителей, художников! А ты? Все это время ты писал, что наши вельможи только и делают, что гонятся за парижскими модами! Да мне плевать на их кареты, парики и камзолы! Мне главное, чтобы парижанин, приезжая в Петербург, чувствовал себя тут как дома. Ты понял меня?

Крылов чувствовал себя раздавленным. Он тихо просипел в ответ:

— Да, ваше императорское... величество... виноват...

— При дворе знают мое пренебрежительное отношение к тебе, Иван Андреевич, — продолжила императрица. — Тем лучше. Значит, никто даже не заподозрит, что я могла дать тебе серьезное поручение. Все, что ты будешь делать, ты будешь делать на свой страх и риск, совершенно не упоминая про меня. Не справишься — твоя вина. А вот справишься — будет тебе от меня награда, какой ты и не ожидаешь.

Крылов из осторожности решил не спрашивать, в чем же заключается эта награда, хотя его так и подмывало.

— Я знаю, ты куришь трубку, Иван Андреевич, — сказала вдруг императрица и откинула крышку ко-

робки. — Вот, возьми-ка ты сигарку. Мне их теперь привозят из-за океана.

Крылов знал, что императрица усердно приучала двор к сигарам. Вероятно, кто-то из ее любимчиков Зубовых наладил поставки этой новинки с Кубы.

Иван Андреевич встал, сделал несколько шагов, как будто продавливая ауру величия, и протянул руку к сигарам.

— Бери несколько, — разрешила Екатерина. — Да только тут не кури, книги этого не любят.

Крылов не глядя захватил несколько шелковистых цилиндриков и сунул их в широкий карман своего темно-серого камзола.

— Вот-вот, — одобрительно кивнула императрица, — сразу спрятал. Это хорошо. Но не буду тянуть с делом, времени у меня осталось немного. Для исполнения моего задания тебе потребуются расходы. Однако денег я тебе не дам.

— Как вам будет угодно, ваше величество, — удивленно сказал Крылов, грузно опускаясь на бархат скамейки.

— Я приставлю к тебе одного из своих кучеров — Афанасия. Вместе с экипажем. Да-да, тебе предстоит поехать, не все же в Петербурге штаны протирать! Поверь мне, Иван Андреевич, для литератора долгое путешествие — лучший способ увидеть нашу любимую красавицу-Россию, ее прекрасных добрых людей... И потом все это описать. Вот, например, Карамзин! Если бы он сидел на одном месте, то смог бы написать свои «Записки путешественника»?

Крылов тут же вспомнил про Радищева, которого описание его путешествия по России привело

прямоком в казематы Шлиссельбурга, но промолчал.

— Впрочем, как раз тебе ничего писать и не надо будет. Тебе надо будет искать.

— Искать, ваше величество?

Екатерина откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на литератора.

— Это странная история. Ты знаешь, я трачу огромные деньги казны на разные богоугодные и праведные дела. На университет, на сиротские приюты, на издательское дело и так далее. Мои собственные расходы невелики — особенно по сравнению с Елизаветой. Я долгое время даже не проверяла счета моей канцелярии, пока... ну, это к делу не относится.

«Пока Чернявый не запустил руки в казну по самые плечи», — подумал Крылов.

— И вот однажды, просматривая отчеты о тратах, я обнаружила такую, которая делается ежегодно вот уже семьдесят с лишним лет! И причем никто не знает, на что идут эти деньги! Все, кто знал, уже давно умерли. Но существует личная записка Петра Алексеевича о том, что трату эту необходимо делать во что бы то ни стало. И никто не в силах ее отменить. По сути, это единственное завещание Великого императора. И оно касается дела, о котором никто не знает!

— Как такое может быть? — вырвалось у Крылова.

— Согласно распоряжению Петра, эти деньги в золотых монетах отвозятся в Москву, в Сухареву башню, где их надлежит оставлять в потайном месте. В прошлом году я послала особого человека